

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТУВЫ: Падение Цинов и принятие протектората России в 1914г.

メタデータ	言語: ru 出版者: 公開日: 2011-01-28 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: M. B., Монгуш メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00001046

Тувы. Под влиянием этих новых тенденций натуральное хозяйство тувинцев и их патриархально-феодалные социальные отношения стали постепенно разлагаться; начал складываться местный рынок, тесно связанный с Сибирью и Россией; появился наемный труд. Тувинцы нанимались на золотые прииски в качестве чернорабочих, шли работать за мизерную оплату к иноземным купцам, а также к русским предпринимателям и кулакам. П.Е.Островских наблюдал, как некоторые ламы, принадлежащие к низшему и среднему сословию сангхи, нанимались в качестве работников на русские фабрики, где они косили сено, ухаживали за лошадьми, сторожили торговые объекты (1927:88). На этом фоне резко возростала классовая дифференциация, сопровождавшаяся обеднением подавляющей части местного населения. Все эти изменения в совокупности способствовали возникновению зачатков капиталистических отношений, элементы которых в зародышевой форме проступали в производстве, организованной не только русскими и китайцами, но и тувинскими предпринимателями (наиболее яркой фигурой, воплощавшей этот новый тип, был крупный богач и торговец Ажыкай, живший на Элегесте и Межегее, который вел успешную торговлю с русскими и китайцами), что в целом было важным моментом в развитии социальных отношений в Туве.

За привозимые товары Тува расплачивалась основным богатством — скотом, вывоз которого в Россию шел через Тункинскую долину в Иркутск, через Минусинск и Алтай в Томск и другие крупные города Западной Сибири. Вывозили из Тувы и скотоводческое сырье, особенно кожу, высшие сорта пушнины (соболь, бобр, лисица, выдра, колонок).

Развитие торговли с русскими, открытие русской золотопромышленности в Туве в конце XIX в., переселение сюда на постоянное жительство крестьян из разных губерний России положили конец той ситуации замкнутости, изоляции тувинской экономики, в какую ее поставили маньчжуро-китайские завоеватели.

2. Падение Цинов и принятие протектората России в 1914 г.

В середине XIX в. весь Китай был охвачен Великой Крестьянской войной, переросшей в национально-освободительное движение против Цинской династии. К этой борьбе стихийно примкнули народы, находившиеся на периферии империи, в том числе и тувинцы. Но ввиду недостаточной развитости классового общества борьба тувинских аратов против иноземных захватчиков, с одной стороны, и местной феодально-чиновничьей верхушки, с другой, проявлялась в довольно отсталых формах, характеризовавшихся отсутствием ясной цели, организованности,

руководства и какой-либо четко выработанной стратегии и тактики. Борьба аратов выражалась в разгроме факторий китайских торговцев, изгнании их из своей страны, самовольном использовании пастбищ местных ноянов, угоне скота у богачей, бегстве из сумона или кожууна, неуплате налогов, уклонении от различных повинностей, открытых выступлениях против произвола и насилия тувинских чиновников, поджоге их юрт-канцелярий и т. д. Постепенно социальный протест принял массовый характер и доходил порой до вооруженных столкновений. В 1870-1880 гг. выступления аратов переросли в народное вооруженное восстание против полуторавекового ига маньчжурских захватчиков и местных правителей — наместников китайского императора. В архивных источниках содержится немало свидетельств о восстаниях аратов против феодалов во главе с Самдынчыком, Сотпа, Самбажыком и женщиной Онер (Монгуш 2001:95). Наибольшую известность получило восстание под руководством арата-бедняка Самбажыка в западных кожуунах Тувы, которое позже вошло в историю как восстание 60-ти богатырей — по первоначальному числу его участников, хотя на самом деле, как утверждают источники, их было значительно больше. Однако это первое крупное восстание было жестоко подавлено: отрубленные головы его руководителей были вывешены на столбах для устрашения народа (Сердобов 1971:254; Хомушку 1998:64).

Народные восстания аратов совпали по времени с проникновением в Туву русского и китайского ростовщического капитала, который только обострил классовые противоречия в обществе и усугубил гнет и разорение народных масс. А возникшая конкуренция между русскими и китайскими купцами, их попытки втягивания в свои разногласия тувинских феодалов, вынуждали цинские власти усиливать непосредственное вмешательство во внутренние дела Тувы. На фоне такого напряженного положения в крае социальные взрывы становились неизбежными; ликвидация маньчжурского ига стала самой главной задачей тувинского народа.

Начало XX в. ознаменовалось первой русской революцией 1905 — 1907 гг.; она послужила толчком для развития революционного и национально-освободительного движения в странах Востока. Под ее влиянием в 1911 — 1913 гг. в Китае произошла Синьхайская революция, начавшаяся Учанским восстанием 1911 г. и приведшая к свержению маньчжурской династии Цин и провозглашению республики. Вслед за этими событиями в Туве, как и в соседней Монголии, развернулось широкомасштабное национально-освободительное движение против представителей китайской администрации с целью их изгнания со своих земель. Летом 1912 г. большой отряд тувинцев отправился в Северо-

Западную Монголию, где были сосредоточены маньчжуро-китайские войска. Здесь в содружестве с монгольскими бойцами под командованием Максаржава и Дамдинсурэна они захватили крепость Кобдо — главный оплот маньчжуров в этом регионе (История Тувы 2001:310). Таким образом, иноземное иго удалось сбросить как монгольскому, так и тувинскому народам.

После свержения маньчжурского владычества власть в Монголии оказалась в руках крупнейших светских и духовных феодалов, преимущественно халхасских, которые избрали главой государства Восьмого Богдо-гэгэна Джебцуна Дамба хутухту. Феодално-теократическое правительство, возглавляемое духовным монархом, взяло курс на превращение Монголии в самостоятельное государство, не зависимое от Китая.

Тува, называвшаяся тогда Урянхайским краем, в силу выгодного естественно-географического положения и наличия богатых природных ресурсов, стала зоной столкновения интересов России, Китая и Монголии. Различные аспекты противоборства трех государств в рамках Урянхайского вопроса многократно освещались в отечественной историографии (Попов 1905; Дашкевич 1911; Васильев 1912; Белов 1995, 1997, 1998, 1999, 2003; Лузянин 1996, 2000; Рощин 1999; Март-оол, Моллеров 2003; Дацышен, Ондар 2003); всестороннему анализу подверглась и политика тувинской правящей аристократии, чья политическая воля играла далеко не последнюю роль в этом вопросе (Хомушку 2001:106-119).

Ю. Ч. Хомушку пишет: «Уже с конца XIX в. Россия и Китай оспаривали принадлежность Урянхайского края. На стороне Китая был аргумент исторической давности владения Урянхаем. Россия апеллировала к факту реального государственного использования данной территории. Интересы Монголии в Туве были связаны с идеями панмонголизма, созданием Великой Монголии, потенциальной частью которой рассматривалась и Тува. Тувинская правящая элита не являлась сторонним наблюдателем политической борьбы трех государств. Используя противоречия сторон, она пыталась добиться максимального обеспечения своих интересов» (2001:106). Наиболее дальновидные ее представители отчетливо сознавали, что в сложившихся условиях Туве непомерно трудно развиваться в качестве самостоятельного независимого государства. Амбын-ноян Тувы Комбу-Доржу и отдельные представители нарождающейся торговой прослойки всячески поощряли идею присоединения к России. В противовес этому группа правителей Салчаковского и Тоджинского кожуунов искала покровительства Монголии; они указывали на важность духовного, религиозного единства,

которое идет с Тибета и Монголии (История Тувы 2001:312). В конце-концов аргументы первых оказались более убедительными, и в феврале 1912 г. амбын-ноян Тувы Комбу-Доржу и несколько его чиновников направили от имени тувинского народа обращение к правительству России, в котором говорилось: «Мы, урянхи Танну, были подданными маньчжурского хана и следовали своей религии буддистов, но в последнее время маньчжуры и китайцы стали обращаться с нами бесчеловечно и притеснять, доводя нас до разорения, а в настоящее время маньчжуры, китайцы и халха разделились, образовав отдельные улусы (государства). Мы же, урянхи, остались на произвол судьбы, не имея государя, а потому мы... как светские, так и духовные чиновники и народ, собравшись, с общего согласия постановили: заведующего урянхами трех кожуунов по реке Тес, по реке Енисей и урянхами Тоджи, амбына Комбу-Доржу, имеющего от Дайцинского государя чин корпусного командира и павлинье перо и от Великого Российского государства белого государя — одну золотую медаль для ношения на шее и оред св. Станислава второй степени, избрали его главой правления». Далее выражалось намерение тувинской стороны «держаться буддийской религии и одинаково с Халкой выбрать себе представителя духовной власти, объявить Урянхай отдельным и просить покровительства и защиты Великого Российского государства». Обращение заканчивалось просьбой, адресованной «белому государю», не отказывать Туве в своем покровительстве и во избежание беспорядков, могущих произойти в стране, «по возможности скорее занять своими войсками по своему усмотрению заселенные пункты среди урянхов, а также для охраны поставить пикеты по границе» (РФ ТИГИ, д.72, л.15-16).

В 1914 г. Тува под названием «Урянхайский край» была присоединена к России, которая считала, что она таким образом не распространяет верховенство на «новую» область, а всего лишь возвращает свои исконные права на нее. Поэтому протекторат России над Тувой не был нигде оформлен каким-либо международным актом и все распоряжения по принятию тувинцев под покровительство русского государя носили характер чисто государственный (Март-оол 2002:9). К этому времени численность русского населения в Туве достигала 12 тыс. человек, проживавших в основном в Тандинском, Пий-Хемском, Каа-Хемском кожуунах. Среди них, как и среди тувинцев, имело место классовое расслоение. Более половины русских крестьянских дворов Тувы составляли батрацкие и бедняцкие хозяйства, средняцких было около 40%, кулацких — всего 6% (История Тувы 1964:14-16).

Ранее засекреченные архивные документы по этому периоду,

свидетельствуют, что установление протектората, предопределившего дальнейшую судьбу Тувы и геополитическую ситуацию в центре Азии, было прежде всего результатом весьма успешной российской внешней политики в этом регионе. Она заключалась, с одной стороны, в активной поддержке сил, боровшихся с маньчжуро-китайскими захватчиками, как в Туве, так и в Монголии и Тибете, с другой — в усилении российского экономического влияния в Туве, а также в привлечении на сторону России тувинской политической элиты, включая высших представителей сангхи.

В советской историографии вопрос об установлении протектората России над Тувой рассматривался неоднозначно (Москаленко 2004:33-34). Одни исследователи считали, что этот акт был незаконным, так как протекторат образовался в результате оккупации Урянхайского края Россией, превратившей ее в колонию (Кабо 1934:176); другие видели в нем ряд положительных моментов; они, например, подчеркивали, что тесное общение тувинцев с русским народом, с одной стороны, открыло перед ними перспективу экономического и культурного развития, с другой - обеспечило им возможность сохранить этническую целостность (История Тувы 1964:377; Сердобов 1971:376).

В марте 1917 г. в Туву пришло сообщение о свержении царского самодержавия в России и установлении советской власти — принципиально новой силы, занявшей особую позицию в отношении Тувы — Урянхайского края, которая, по мнению исследователей, носила двоякий характер. С одной стороны, геополитические устремления ее совпадали с традиционными устремлениями российского самодержавия (Коннер 1931:162). В силу этого РСФСР стремилась сохранить и, по возможности, укрепить свое влияние в Урянхае. С другой стороны, Китай рассматривался как один из наиболее важных партнеров на Дальнем Востоке. Таким образом, перед Советской Россией стояла непростая задача — сохранить свои позиции в Туве, не допустить усиления китайского влияния там, избежав при этом осложнения отношений с Китайской Республикой (Хомушку 2001:108-109).

Переселение русских в Туву

Переселение русских началось еще при Цинах – в 80-х годах XIX в. После принятия Тувой протектората России в 1914 г. было образовано переселенческое управление, призванное регулировать процесс принятия новых граждан. После образования Тувинской Народной Республики (о чем подробно будет сказано позже) переселенческое движение приняло более динамичный характер.

Во многих работах, посвященных истории Тувы конца XIX-начала

XX вв., приход русских в край расценивается как колонизация. Однако специалисты считают, что этот термин используется исключительно «в случае насильственного захвата территории, принадлежащей другим, как правило, более отсталым в экономическом плане народам». В качестве классического примера они приводят Америку, Африку и часть Азиатского материка, но форму «колонизации» Тувы не рассматривают как классическую и настаивают на термине «переселение» (Анайбан, Губогло, Козлов 1999:32). Эту точку зрения разделяют и многие тувинские исследователи.

Массовое переселение русских в Туву происходило волнообразно, в несколько этапов. На первом этапе (1880-1906 гг) в Туву переселялись, незаконно пересекая китайскую границу, наиболее предприимчивые старообрядцы, гонимые и преследуемые царской администрацией. Именно на этом начальном этапе стихийного потока и возникли в северной части Тувы первые два русских поселения – Туран (см. Моллеров 2003:61-85) и Уюк.

На втором этапе (1907-1911 гг) миграция приняла более целенаправленный характер, обусловленный осознанной заинтересованностью местной русской администрации укреплять свои позиции в Туве, создать опорные пункты для дальнейшего освоения края. На этом этапе были основаны русские поселки в Улуг-Хемском и Каа-Хемском кожуунах (Атамановка, Знаменка, Никольское).

На третьем этапе (1911 –1916 гг) в связи с захватом земель тувинских аратов межэтнические отношения между русскими переселенцами и местным населением существенно обострились. Переселение русских в Туву вступило в этап правительственного патернализма, чему в немалой степени способствовало созданные органы переселенческого управления.

На четвертом этапе (1917-1921 гг) обострение отношений на межэтнической почве имели дальнейшее продолжение; к ним добавились также разногласия внутри самих русских, между их разбогатевшими старожилами и вновь прибывающими бедными мигрантами (Дулов 1956:354-356; Анайбан 1999:64-65; Анайбан, Губогло, Козлов 1999:28-29).

В целом взаимоотношения между русскими и тувинцами носили мирный характер, хотя как свидетельствует В. Дашкевич, первые попытки проникновения русских в Туву сопровождались грабежами и даже убийствами купцов, поджогами их домов, но настойчивость и энергия русских, действовавших очень осторожно и последовательно, не допуская со своей стороны никаких правонарушений, и, главное, поддерживающих добрые отношения с тувинскими властями, привели к тому, что между ними установились дружественные отношения (1911:214).

Тувинский историк В. Д. Март-оол объясняет это еще и исключительной толерантностью, в одинаковой мере присущей двум народам, что, по его мнению, является результатом их обоюдной веротерпимости (2002:10). Н.П.Москаленко считает, что сближению двух народов в немалой степени способствовало также умение использовать русскими спецслужбами психологического фактора. В качестве доказательства она приводит инструкцию, составленную усинским пограничным начальником А. Чириковым, в которой сказано: «основная цель каждого русского обывателя, а тем более агента внушать и объяснять русским, проживающим в Урянхае, что они смотрят на урянхайцев как на своих братьев, а поэтому будут обходиться с ними по-христиански, по-братски. Русские должны дать понять урянхайцам, что край этот мы не считаем китайским. Всеми силами стараться доказать какое зло приносят им китайцы, продавая им свою водку и открывая кредит. Что все это может быть прекращено, если они обратятся к русской власти о подданстве. В то же время каждый из нас должен зорко сделать и внимательно прислушиваться ко всему происходящему в Урянхае» (2004:47).

С приходом русских в Туве распространилось православие; здесь появились объединение евангельских христиан-баптистов и община старообрядцев-беспоповцев. Местами их компактного проживания стали современные Каа-Хемский, Пий-Хемский, Улуг-Хемский, Тандынский, Дзун-Хемчикский и Тоджинский кожууны. Первый православный храм в Туве появился в Туране в 1910 г., а в 1914 г. была построена Троицкая православная церковь в Кызыле — современной столице Тувы (Хомушку 1998:101).

По данным Р. Кабо, в начале 1900 гг. в основных кожуунах Тувы численность коренного населения составляла 56.300 человек, из них 35.600 человек проживали в Хемчикском и Бейсэ кожуунах, которые впоследствии слились в один Дзун-Хемчикский (1934:81). Чаданская долина, объединявшая эти кожууны, была самой густонаселенной частью Тувы, так как здесь имелись пригодные для скотоводства и земледелия условия. Обилие плодородных земель и естественных водных источников притягивало сюда и русских крестьян, которые, будучи традиционными земледельцами, принесли в Туву новые, более высокие навыки именно в этой отрасли. Численность русских в Туве в 1910 г. достигала более 2 тыс. человек, разбросанных по 116 поселениям. Основная их часть селилась деревнями, купцы и кулаки — хуторами (История Тувы 2001:294).

Вопрос о самоопределении Тувы

11 июня 1918 г. открылся V съезд русского населения края, а 13 июня — съезд представителей тувинского народа. Газета «Известия Минусинского совета» писала: «В Танну-Тове (Урянхае) открылись съезды — урянхайский и русский. Эти съезды должны решить судьбу края. Особенно важным является съезд урянхайский. До сих пор за урянхайцами не признавалось право на самоопределение. Только советская власть, защитница прав угнетенного человечества, встала на иную точку зрения и признала за урянхайцами право самим определять свою судьбу, а вместе с тем также и то, кому должен принадлежать Урянхайский край — России, Китаю, Монголии или быть самостоятельным государством. Вопрос о самоопределении Урянхая составляет главный пункт в порядке дня урянхайского съезда, созванного Краевым Советом депутатов» (История Тувы 1964:74).

18 июня 1918 г. состоялось совместное заседание русского и тувинского съездов, на котором единодушно был принят Договор о самоопределении Тувы, дружбе и взаимной помощи русского и тувинского народов. Текст Договора выработала специальная комиссия, созданная обоими съездами. В нем говорилось: «Урянхайский народ объявляет, что отныне он... будет управляться совершенно самостоятельно и считает себя свободным, ни от кого не зависимым народом. Русский народ, приветствуя такое решение урянхайского народа, находит его справедливым и немедленно же возвращает все отобранные у кожуунов царскими чиновниками кожуунные печати». В Договоре были разрешены вопросы политических и экономических отношений между русским и тувинским народом. «Объявляя себя независимым, — говорилось в нем, — урянхайский народ не должен нарушать прав русских граждан и во имя долготелней дружбы предоставляет русским в постоянное пользование занятые ими земельные участки». В Договоре упоминалось о совместной борьбе с врагами как русского, так и тувинского народа: «В случае опасности какой-либо стороны для урянхов и русских обе народности должны давать дружный отпор, защищая свои интересы общими усилиями» (ЦГА РТ, ф.112, оп.1, д.390, л.16-17).

Политическая ситуация, сложившаяся в Туве после падения Цинов и установления над ней протектората России, ставила тувинскую правящую элиту в весьма затруднительное положение. Оказавшись объектом основной внешней политики трех государств, испытывая постоянный прессинг с их стороны, она объективно не имела возможной силы, и потому в целях достижения своих интересов часто прибегала к политике лавирования между ведущими политическими силами. Выдвинутая

Советской Россией идея о самоопределении Тувы стала для нее средством достижения цели — не допустить усиления позиций Китая вблизи своих границ и одновременно обрести самостоятельность, опираясь на помощь российской стороны. «В силу создавшихся предпосылок и сложившихся исторических тенденций, — пишет Ю. Ч. Хомушку, — интересы России и Тувы оказались направленными друг на друга. Обе стороны руководствовались не столько «бескорыстным чувством пролетарской солидарности» (как было принято считать до недавнего времени), сколько преследовали определенные государственные, политические и экономические интересы» (2002:11). Тува добивалась образования суверенного государства, а Россия стремилась обеспечить возможность сохранения и укрепления своих позиций в Туве.

3. Образование Тувинской Народной Республики (1921 — 1944 гг.)

В середине 1921 г. как международное, так и внутреннее положение Тувы требовало решения вопроса о самоопределении. В Советской России к тому времени завершилась гражданская война. Вся ее территория, кроме Дальнего Востока, была очищена от интервентов и внутренней контрреволюции. В соседней с Тувой Монголии под руководством народно-революционной партии и при активной помощи частей Красной Армии успешно завершалась борьба с унгерновскими войсками. В Туве были разгромлены интервенты и белогвардейские подразделения. Для защиты от возможного вторжения остатков унгеровцев из Западной Монголии в крае находились части Красной Армии и объединенный партизанский отряд.

Несмотря на революционные события и национально-освободительное движение в крае, тувинским населением по-прежнему продолжали управлять нояны, государственная машина старой феодальной власти не была сломлена окончательно. Однако теперь, в новых условиях, власть прежних феодалов и чиновников была расшатана и ослаблена. Тувинские амбын-нояны, которые ранее управляли несколькими кожуунами края, в годы революции, по существу, сложили с себя полномочия. Институт амбын-ноянства, таким образом, был изжит (История Тувы 1964:78-80).

В июне 1921 г. в центре западных кожуунов — Чадане — состоялось совещание с представителями двух хемчикских кожуунов, Даа и Бейсэ, где проживало большинство тувинского народа. На нем был поставлен вопрос о национальном самоопределении тувинцев. Совещание вынесло следующее постановление: «Мы, представители двух хемчикских кожуунов, находим, что единственным, самым верным и лучшим путем